

Научная статья

УДК 94(47).08

doi: 10.17223/19988613/93/12

Формирование образов радикалов в революционной периодической печати Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Владислав Андреевич Строкольский

Томский государственный университет, Томск, Россия, kemerovo40@gmail.com

Аннотация. Выявляется специфика формирования образов российских революционеров-террористов в нелегальных газетах «Народная воля» и «Революционная Россия». Конструирование образа русского радикала во второй половине XIX – начале XX в. происходило на основе апеллирования к христианской традиции. Публицисты сравнивали террористов с известными личностями, а также мифическими героями. Радикалы стремились выстроить идеальную линию жизненного пути террористов от рождения до смерти, отмечая их индивидуальность и стремление к высшим нравственным идеалам, с целью последовать их примеру «самоотвержения».

Ключевые слова: информационное поле, образ русского революционера, революционный террор, периодическая печать

Для цитирования: Строкольский В.А. Формирование образов радикалов в революционной периодической печати Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 94–102. doi: 10.17223/19988613/93/12

Original article

Formation of the images of radicals in the revolutionary periodicals of Russian Empire in the second half of the 19th century and in the early 20th century

Vladislav A. Strokolskiy

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kemerovo40@gmail.com

Abstract. This article aims to determine the specifics of forming of the image of Russian revolutionary (radicals) in the illegal newspapers «Narodnaya Volya» and «Revolutionary Russia». The unique informational sources include many different materials – policy documents, letter of the revolutionary (Narodnik's and Esers), testimony at the trial, publicity material about recent events all over the country.

In the second half of the 19th century and in the early 20th century, the image of revolutionary was influenced by Christian tradition. The radical publicists appealed to stories from the Scriptures and early Christianity and draw parallels with modern realities. Russian terrorists have been compared to the tyrannies and radicals of recent and distant history. This was done in order to legitimate the terroristic activity. It was a definite character: the revolutionaries were involved in the "course of history" that would lead to revolution.

The Socialist-Revolutionaries' publicists compared terrorists with the image of legendary heroes from ancient and medieval mythology and modern poetry. They also appealed to images of «martyrs» (revolutionary of Narodnaya Volya). Therefore, the image was literary character and not real. The heroic image was to represent the peasantry and proletariat because the terrorists were from the lower classes. The audience connected their life with difficult situation of revolutionary and felt compassion for them. The populace became influential social support of Socialist-Revolutionary Party and Combat Organization.

Publicists of «Narodnaya Volya» sought to create an ideal line of revolutionary life from birth to death. Autobiographies of the Socialist-Revolutionaries were to become very popular in «Revolutionary Russia». They marked the individuality of revolutionaries and their desire for a moral ideal. Terrorists accepted their death with confidence and were sure of the right path. The way of the terrorist was permanent «wandering» in which he eventually chooses between joining the Social Revolutionary Party or the Combat Organization. The use of personal sources was necessary for objectivity of the images of radicals and their ideas and thoughts.

The image of ideal revolutionary was created for inspiring the like-minded people and supporters of the terror to follow «self-sacrifice» model. The image also had an impact on the collective memory of people, in which revolutionaries would remain in a positive tone.

Keywords: information field, image of Russian revolutionary, revolutionary terror, periodical press

For citation: Strokolskiy, V.A. (2025) Formation of the images of radicals in the revolutionary periodicals of Russian Empire in the second half of the 19th century and in the early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 94–102. doi: 10.17223/19988613/93/12

Актуальность исследования и обзор источников

Актуальность исследования данной темы вызвана значительным влиянием информации в современном обществе. Информационное поле постоянно пополняется новыми каналами распространения источников. Средства массовой информации не только отражают мнение общества по различным вопросам, но и наращивают его, оказывая влияние на мировоззрение людей. Происходит формирование устойчивых взглядов на определенные проблемы, процессы, оценки личностей через активное тиражирование публицистических и аналитических статей. Кроме того, в современном мире нередки случаи совершения террористических актов. Поэтому различные государства и общественные группы также воспринимают данную проблему и публично дискутируют над ней.

Изучение феномена политического радикализма стало популярно в исторической науке с конца XX в. Проблема террора стала самостоятельным научным полем, до сих пор вызывая среди исследователей дискуссии [1, 2]. Историки ставят вопрос об истоках и предпосылках революционного терроризма, размышляя о том, что стало фактором формирования общественного запроса на террор. В немалой степени это вызвано созданием героического образа революционера, который привлекал народные массы. В целом образ революционера-террориста – это результат восприятия личности сторонника радикальных мер, формирующийся в различных информационных потоках. Кроме того, это и идеальная форма отражения революционера со стороны радикалов, которые создавали его в революционной публицистике. К исследованию образа террориста сегодня обращаются многие специалисты в области изучения революционного движения и общественного мнения.

Ведущим исследователем является Анна Гейфман, которая изучала развитие революционной ситуации в годы правления Николая II. Дав характеристику эсеровскому террору, она заявила, что у общества было особое отношение к террористам как к героям, готовым к самопожертвованию [3. С. 22–23]. М. Могильнер выдвинула гипотезу о существовании так называемой «подпольной России» в противовес легальной России. Подпольная Россия – это «нелегальное» пространство, где сосуществуют леворадикальные деятели, задача которых – создать положительный образ радикального интеллектуала. Автором делается вывод, что процесс мифологизации шел не только в среде революционной интеллигенции, но и в низах. Общество поддерживало действия террористов, что подталкивало радикалов распространять образ героя в публичном поле [4]. Ю.А. Сафронова, изучая общественное мнение о радикализме, делает вывод о существенном различии в понимании обществом террора после терактов народовольцев. Терроризм вызвал среди российского общества широкую дискуссию, которая велась через разные каналы коммуникации [5].

Цель данной статьи – определить специфику формирования образов российских революционеров (радикалов) в нелегальных газетах «Народная воля» и

«Революционная Россия». Выбор источников неслучаен: это одни из самых крупных и тиражируемых нелегальных революционных изданий Российской империи.

«Народная воля» – периодическое издание, публикуемое одноименной революционной организацией. Газеты издавались большими тетрадями в тайных типографиях Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. Всего народовольцы с 1879 по 1885 г. выпустили 12 номеров. Параллельно с газетой организация публиковала «Листки “Народной воли”», которые выходили с 1880 по 1886 г. Главными редакторами газеты были видные деятели народничества – Л.А. Тихомиров, Н.А. Морозов (1879–1881) и Г.А. Лопатин (1881–1885). Тираж достигал 3 тыс. экземпляров. Каждый номер газеты вбирал в себя продолжительный период деятельности организации. Около трети всех издаваемых газетой материалов составляли программные документы. «Народная воля» также печатала корреспонденции из разных городов Российской империи о политических процессах и героическом поведении революционеров на судебных заседаниях и в заключении. Ю.А. Сафронова указывает, что читательская аудитория «Народной воли» была выше, чем у иных российских нелегальных изданий того времени [5. С. 175]. Она отмечает широту распространения газеты. Народовольцы рассылали свою публицистику по губерниям на почты самых разных лиц – от высокопоставленных чиновников до сельских старост. Кроме того, революционеры отправляли свои материалы по редакциям легальных изданий. Поэтому, как пишет Ю.А. Сафронова, «Народную волю» читала не только революционно настроенная молодежь, которая была основной целевой аудиторией газеты, но и представители высших эшелонов власти [5. С. 175–176]. Несмотря на строгие наказания за изготовление, хранение и распространение нелегальной литературы, российское общество было знакомо с революционными изданиями, которые распространялись народовольцами [5. С. 44].

«Революционная Россия» – нелегальная революционная газета, основанная в 1900 г. А.А. Аргуновым, одним из лидеров эсеров. Издаваемое Союзом социалистов-революционеров издание с 1902 г. стало центральным печатным органом Партии эсеров. В 1900 по 1902 г. номера газеты выпускались в Финляндии (Куоккала) и Томске, а с 1902 г. – в Париже и Женеве. В разные годы «Революционная Россия» выходила с различной периодичностью (от одного до нескольких раз в месяц). Всего было выпущено 77 номеров за 1900–1905 гг. Можно говорить о больших тиражах газеты в сравнении с «Народной волей». Если в 1901 г. тираж «Революционной России» составлял 500 экземпляров, то в 1904–1905 гг. он достигал уже от 12 до 15 тыс. По территории Российской империи газета распространялась нелегальным способом и имела широкое хождение. В редакцию «Революционной России» в разное время входили М.Р. Гоц, В.М. Чернов, Л.Э. Шишко. В работе газеты активное участие принимал и лидер Боевой организации Г.А. Гершуни. Периодическое издание вбирает в себя самые разные материалы – программные документы, письма революционеров, стихотворения, следственные показания,

публицистику с оценкой происходящих в стране событий. «Революционная Россия» была очень богата фактическими корреспонденциями из России. Основная читательская аудитория включала в себя революционно настроенную молодежь и низшие слои общества – крестьянство и наемных рабочих.

В связи с этим использование данных источников для исследования проблематики создания образов революционеров-террористов релевантно.

Особенности радикального информационного поля

Информационное поле – это «информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленное репертуаром тем» [6. С. 40]. В информационном поле радикалов образ революционера формировался с помощью различных источников, основным из них была периодическая печать. Периодика как ключевой канал распространения информации получила широкое распространение во второй половине XIX в. Газеты оказывали влияние на мировоззрение российского общества, отражая представления различных социальных групп по насущным социально-экономическим и политическим проблемам. В том числе там зафиксированы устойчивые образы прошлого. Поэтому информационное поле можно рассматривать как сферу, где происходила борьба за общественное мнение, поскольку каждая из сторон стремилась оказать воздействие на общество.

Особенность периодической печати была и в том, что она аккумулировала совокупность разных источников. Например, на страницах нелегальной радикальной периодической печати размещались агитационные материалы (прокламации, листовки) и источники личного происхождения (судебные речи и письма). Все они решали вполне конкретные задачи. При этом публикуемые материалы носили избирательный характер: редакторы старались не допускать неприглядные факты из жизни русских революционеров, чтобы сформировать положительный образ радикала у народных масс. Происходило своего рода конструирование образа, в процессе которого выстраивался идеальный портрет «героя-борца».

В публичном пространстве наблюдалась общественно-идеологическая полемика между публицистами радикальной и легальной периодики, каждая из которых формировала свой взгляд на террор и образ революционера. Народолюбцы критиковали те штампы, которыми их наделили в консервативной или либеральной периодической печати. Например, отвергая обвинения в безнравственности, радикалы заявляют, что именно на их стороне «и нравственность, и справедливость, и мысль, и вообще все самые могущественные двигатели человеческого духа» [7]. Радикалы оппонировали и характеристике народников как «недоучек», указывая на большое количество изобретений, произведенных за подготовку теракта и заявляя, что «знание и изобретательность – несомненно на стороне “недоучек”» [8]. При этом народолюбцы заявляют о всемерной поддержке террористов народными массами,

оппонируя, например, «Московским ведомостям», которые заявляли об узкой социальной базе революционеров.

В начале XX в. также разворачивались дискуссии по поводу оценки «идеального образа», но уже между представителями революционных изданий. Вызвано это было возрастанием на рубеже XIX–XX вв. количества социалистических организаций, которые по-разному относились к террору. Основным оппонентом «Революционной России» выступала «Искра», издаваемая РСДРП в 1900–1905 гг. Споры между ними возникали по самым разным вопросам, не только касавшимся оценки личностей террористов. Поэтому эсеровские публицисты, стремившись утвердить «истинную» точку зрения на образ революционера-террориста, прибегали к анализу и корректировке тех образов, которые возникали на страницах других газет.

Формирование образа революционера-террориста в газете «Народная воля»

Нелегальная пресса 1870–1880-х гг. в основном апеллировала к христианству через идею мученичества во имя блага человечества: «Картина последних казней невольно переносит наше воображение в эпоху первых христианских мучеников, и не даром Лизогуб, Чубаров и Давиденко, отказавшись от последних напутствий священника, взяли все-таки из его рук крест и поцеловали его как символ, воплощающий в себе страдание человека за идею» [9]. На суде революционер всегда заявлял единомышленникам о необходимости трагической жертвы, воодушевляя их встать на путь террора.

В «Народной воле» мы встречаем обращение к сюжетам Священного Писания. Революционеры заявляют о непоколебимой «вере и стойкости убеждений» перед казнью, показывая готовность принять мученическую смерть. Публицистами отмечаются твердость и спокойствие радикалов перед лицом неминуемой гибели. Такая стойкость духа побуждает сподвижников совершить подобный «подвиг». Делая такой шаг, радикал, например, апеллирует к судьбе Иисуса Христа: «Высший пример человеколюбия самопожертвования был, без сомнения, Спаситель» [10]. Судебное заседание, на котором оглашается приговор преступникам, тоже помещается в контекст раннехристианской эпохи. Так, например, народник М.П. Овчинников сравнивает судей с «евангельскими фарисеями, которые обвиняли Христа за то, что он не избегал общения с блудницами и мытарями» [11].

Народолюбцы сопоставляют путь достижения социализма с историей распространения христианства, отождествляя социалистическое общество с «царством небесным» [11]. Сам факт ареста революционера является «неопровержимым свидетельством святости и силы этой [социалистической] идеи, <...> чудотворная сила которой равна разве сила апостольской проповеди» [11]. Достичь царства небесного возможно только через акт самопожертвования. В целом образ рая, куда, несомненно, попадут все террористы, неоднократно встречается в «Народной воле» при описании жиз-

ненного пути радикалов. Аресты представителей народничества сравниваются с преследованиями последователей учения Христа. На страницах газеты прослеживается нарратив о продолжении борьбы до тех пор, пока справедливое мироустройство не будет установлено: «Всякая новая идея всегда преследовалась, и чем могущественнее была эта идея, тем сильнее были преследования; но также известно, что эти преследования ни к чему не приводили, разве только делали борьбу ожесточеннее» [11]. Поэтому террор рассматривается «как историческая необходимость», поскольку «весь ход истории ведет к революции» [12], что говорит о том, что весь путь радикалов предопределен. Преследуя цель оставить след в истории, радикальные публицисты создают «мартиролог борцов, павших за свободу русского народа», состоящий из казненных революционеров-террористов. «Каждая черта из жизни этих людей теперь есть достояние истории» [13].

Социализм предлагает совершенно иную с нравственной точки зрения систему ценностей, как бы противопоставляя ее существующей общественной морали. Радикалы заявляют о некотором просветлении и трансформации революционеров под влиянием социалистического учения. Овчинников, например, отмечает: «Прежде я пренебрегал нравственностью, был эгоистичен, готов был принести все в жертву своей личной выгоде, теперь я решил посвятить свою жизнь на служение правде и народному делу, отречься от всяких личных выгод, все личное пожертвовать этому делу. Счастье и благо народное, торжество света и правды – вот теперь единственная цель моей жизни» [11]. Здесь тоже можно выявить определенные параллели с идеями христианства, которые противопоставляли себя господствовавшим ценностям, связанным с политеизмом.

Самым распространенным способом конструирования образа радикала стало создание идеальных биографий некоторых героев-революционеров, которые походили на жизнеописания святых или жития. Жизненный путь в таких биографиях протекает по схожей схеме: герой на пути достижения своей цели преодолевает неудачи, борется со своими страхами и сомнениями, находится в постоянном поиске себя. В период так называемого «просветления» он попадает под влияние социалистов и становится членом «русской социально-революционной партии» [14].

В качестве примера приведем жизненный путь Валериана Осинского, выходца из небогатой крестьянской семьи. «Идеальные» качества (по сути, христианские добродетели) революционера, согласно радикальной печати, формировались у него с самого детства, например гуманность и любовь к ближнему: «[Он] всюду находил случай применять свои гуманные наклонности, любовь свою ко всему страждущему и угнетенному» [14]. Юный Валериан поддерживал смертельно больного отца: «Старик плакал от умиления, когда увидел Валериана; несколько дней последний не отходил от постели больного, с любовью исполняя обязанности сиделки» [14]. Отмечается, что будущий революционер выделялся среди своих сверстников, в частности «уже в детские годы в харак-

тере Валериана лежала черта неустрашимой храбрости» [14].

В жизнеописании прослеживается нарратив о том, что встать на путь террора молодого человека подтолкнули тяжелые условия жизни, а именно отсутствие законной возможности поднимать политические вопросы: «...если легальная деятельность поставлена в нелепые и бессмысленные условия, то необходима деятельность насильственная – это положение становилось ясным, как день» [14]. Правительство как будто своими действиями вынудило перешагнуть через мораль «людей, глубоко гуманных и неспособных к кровопролитию» [5. С. 178]. Довольно типичным объяснением террора в радикальной среде стала так называемая «самозащита»: «Мы уклоняемся от политической борьбы; убийства же имеют просто характер самозащиты: нам мешают шпионы – и мы их устраняем, нас теснят Мезенцевы¹ – и мы платим *кровью за кровь*» [5. С. 178]. В этой связи довольно любопытно видеть противопоставление радикальных кругов правительства и террористов. Так, в «Народной воле» нередко встречается оппозиция «красный террор Исполнительного комитета» – «белый террор правительства» [12], которая характеризует ответные меры насилия радикалов на охранительную политику самодержавия. Кроме того, революционеры представляются «высшей культурной расой», которая противопоставляется «диким ордам правительства» [8]. Данная оппозиция встречалась гораздо реже в «Народной воле», в отличие от растиражированного «красного и белого террора».

Финальный отрезок пути террориста – это всегда судебное заседание, определяющее его судьбу. Через процесс казни читателям демонстрируется героический образ радикала. Участие террориста в процессе, несомненно, поражает присутствующих на суде: «Его молодость, его привлекательная наружность, полная достоинства речь его расшевелили великосветскую публику, собравшуюся посмотреть на борцов и страдальцев за народное дело» [8]. Как отмечал Н.А. Троицкий, судебные заседания являлись для революционеров площадкой высказывания своих политических взглядов перед судьями, выступая своеобразным «актом революционной борьбы» [15. С. 5]. Поэтому неудивительно, что именно они тиражировались публицистами «Народной воли».

Важным элементом создания образа радикала становится описание страданий, которые испытывают революционеры, находясь в тюрьме, что также отсылает нас к христианским страдальцам за веру. Любопытно различное отношение революционеров к приговору. Для Окладского смягчение приговора (например, замена смертной казни каторгой) было подобно «оскорблению» [12]. Скорее всего, это считалось несправедливым в отношении тех товарищей, которым была уготована более суровая мера наказания. Для Бильчанского каторга воспринималась как еще одна понесенная жертва, ее важность оценивалась не менее, чем значение казни: «Вечная каторга – та же смерть, только более мучительная, более медленная» [10].

Нередко публицисты «Народной воли» при описании образа революционера рефлексировали на тему

террора, сравнивая русских революционеров с европейскими радикалами настоящего и прошлого: «Те же фигуры, характеры мы видим и в годы польских восстаний, в годы французской коммуны и в годы нидерландской борьбы за независимость» [16]. Также газета приводит в пример Великую Французскую революцию в качестве катализатора революционных настроений по всему миру, в том числе и в России [16]. Мы видим, что народовольцы словно претендовали на место в мировой или европейской истории революционных движений. В другом номере журналисты заявляют, что террор не является чем-то уникальным для народников и поэтому их можно поставить в один ряд с другими тираноубийцами: «Это просто особый род политической борьбы, к которому прибегают и аристократы, и клерикалы, и либералы, и просто интриганы: Равальяки, Анкарстрёмы, Шарлотты Корде, Лувели, русские сиятельные убийцы Петра III и Павла», вспоминая чистый образ Засулич, которой было «тяжело поднять руку на человека» [17].

При всей шаблонности биографий и избирательности фактов, содержащихся в них, радикальные публицисты как будто не отрицают существования неидеальных революционеров, которые не вписываются в данную парадигму. Например, в контексте покушения А.К. Соловьева на Александра II в 1879 г. публицисты «Народной воли» заявляют, что не все «социалисты-революционеры поголовно и без исключения существа идеально-нравственные и что все действия их безусловно нравственны <...> Есть между нами малодушные, увлекающиеся и больше всего невыработанные люди» [7]. Неидеальные революционеры, на взгляд публициста, привержены принятым в обществе ценностям и взглядам. В то же время он отмечает, что таких людей все же меньшинство, поскольку большая часть народовольцев ведет себя героически: «Это какие-нибудь два-три-пять случаев, которые никаким образом не могут дискредитировать и марать партию, явившую так много примеров великодушия, самопожертвования и высочайшей нравственности» [7]. Сами же «неидеальные» примеры не приводятся.

Таким образом, в данный период происходила христианизация образа революционера. Радикалы при конструировании образа ссылались на сюжеты из Священного Писания и апеллировали к периоду раннего христианства, проводя параллели с современностью. Обращение к религии было логичным, поскольку российское общество того времени было достаточно верующим, ему были знакомы библейские тексты, и они улавливали те образы, которыми наделяли радикалы революционеров. В целом это довольно распространенный штамп, который был узнаваем и близок людям и не подразумевал под собой никаких негативных коннотаций. Радикальные тексты пронизаны идеей борьбы «добра и зла», где «добром» выступают народнические организации, а «злом» – правительство и те, кто препятствует «торжеству революции». Поэтому неслучайно публицисты использовали всевозможные антитезы, чтобы противопоставить радикализм правящему режиму.

Публицисты «Народной воли» стремились выстроить идеальную линию жизненного пути террористов

от рождения до смерти, отмечая их индивидуальность и стремление к высшим нравственным идеалам. Они, словно «мученики», спокойно принимают свою гибель, будучи уверенными в правильном, на их взгляд, пути. Создание образа идеального радикала решало несколько задач. Первая – воодушевление единомышленников последовать их примеру «самоотвержения». Вторая – оказание влияния на коллективную память людей, чтобы остаться у потомков в положительном свете: «Но не доблесть их станем мы разбирать: их оценят потомки» [18]. Именно с помощью биографических источников данная цель достигалась наиболее эффективно, поскольку они формировали целостный образ.

Возвращение к идеальному образу в «Революционной России»

После покушения на Александра II радикальная периодика на два десятилетия прекратила просветление образа революционеров в связи с усилением правительственной реакции и существенным снижением общественного запроса на террор. Конструирование идеального образа в русской радикальной прессе возобновилось с 1900 г., после создания нелегальной газеты «Революционная Россия». Террор в Российской империи возобновился с покушением социал-демократа П.В. Карповича на министра просвещения Н.П. Боголепова. Карпович, несмотря на иную партийную принадлежность, воспринимался эсерами «своим», поскольку разделял террор как метод революционной борьбы. Так же воспринимался эсерами и террорист-одиночка Н. Лаговский, совершивший покушение на К.П. Победоносцева. Оба террориста ставятся радикалами в один ряд с народницей Верой Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Покушения Лаговского и Карповича стали определенной точкой невозврата, поскольку олицетворяли возвращение левых сил к террористическим мерам. Аргументировали возвращение к террору социалисты-революционеры неким общественным запросом: «Всякий акт революционеров проходит при сильном сочувствии различных общественных групп, при могучей поддержке поднимающегося пролетариата» [19].

Эсеры использовали привычные для радикалов прошлой эпохи приемы конструирования идеального образа. Во-первых, это публикация писем революционеров, в которых они заявляют о своих мотивах совершения преступления. Например, в письме Степана Балмашева, адресованном родителям, он заявляет, что встать на путь террора его подтолкнули «неумолимые, беспощадные условия русской жизни» [20]. Убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина воспринимается террористом как «долг гражданина», как «жертва великому делу облегчения участи трудящихся и угнетаемых», поэтому Балмашев не раскаивается в преступлении. Террорист считает, что совершил жестокость не столько самим фактом убийства, сколько последующим причинением страданий «горячо любимым и уважаемым родителям» [20]. Радикалам было важно вызвать сострадание у прочитавшей письмо

публики, поэтому перед нами Балмашев представляется как эмпатичный человек, которого заботит судьба родителей после преступления и казни революционера. Стоит сказать, что для радикалов личность Балмашева также имела ключевое значение, поскольку после его покушения «революционная Россия почуяла возрождение борьбы Народной Воли» [20]. В целом апеллирование эсеров к «героям, отдающим свою жизнь за благо народа и за лучший мир и свободу», т.е. к народолюбцам, довольно типично при формировании ими идеального образа радикала. Вновь жертвенность и стойкость являются ключевыми характеристиками формируемого образа [21].

Популярность в «Революционной России» приобретает жанр автобиографий, отсутствующий в газете «Народная воля». Биографии народолюбцев были написаны после судебных процессов над ними публицистами газеты и в целом демонстрируют весь их жизненный путь с детства до казни или ссылки. Здесь же революционеры заявляют о себе еще до окончания своего революционного пути. Важно сказать, что автобиографии были написаны от лица непосредственного исполнителя террористического акта. В период «Народной воли» биографии были посвящены второстепенным деятелям революционного движения, которые лишь принимали участие в подготовке терактов. В целом автобиографии отличаются схематизмом, присущим биографиям народолюбцев.

Свое отражение в конструировании образа нашла идеологическая борьба между социал-демократами и эсерами. Классическим нарративом в биографиях террористов становится процесс осознания принадлежности себя именно к *эсерам*. Так, если сначала многие социалисты-революционеры, увлекшись революционной литературой, примыкали к партии большевиков, то затем, под влиянием образов народолюбцев и эсеров, решили связать свой жизненный путь с партией эсеров и террористической деятельностью. По большому счету этой цели и достигали радикалы, создавая идеальные образы.

При создании образа эсеров делается акцент на их происхождение из «низов». Ранее в биографиях не было акцента на социальной принадлежности террористов – они могли быть выходцами из совершенно разных слоев. Делался акцент на всеобщности дела, тогда как эсеры оказались нацелены на более узкую социальную базу. В биографиях эсеры улавливают потребности представителей рабочих и крестьян, чувствуют несправедливость по отношению к ним, на себе испытав эти самые «тяжелые условия». Публика из социальных низов, по замыслу радикалов, должна была отождествлять себя с социалистом, который шел на террористические меры, считая такие действия правильными, поскольку они в долгосрочной перспективе сыграют им на пользу. Так как возвращение террора было некой реакцией на сохранение социально-экономических проблем, радикалы ставили своей целью скорейшее их решение путем построения справедливого общества, что подкупало публику. Рабочее происхождение революционеров сопровождало их стремлению получить высшее образование и выйти в люди,

найти ответы на вопросы мироустройства и выйти из сложившегося положения. При всем этом мы можем полагать, что автобиографии корректировались редакторами, которые нарочно не раскрывали всей полноты картины.

В целом обоснование террора строится на основе других известных образов, как религиозно-мифологических, так и реальных. В автобиографиях радикалы использовали традиционные для народолюбцев ссылки на Новый Завет. Например, эсер Фома Качура сравнил социалистов-революционеров с Иисусом Христом и его последователями, поскольку все они стремились к созданию государства, «народного и свободного, в котором существует равенство и братство и любовь к ближнему, где жизнь и радость» [22]. Библейские ссылки также присутствуют в стихотворениях Григория Гершуни, который сравнивал Балмашева с Христом, предвещая ему, словно Иисусу, «воскресение» после «суда народного» [21. С. 3]. Тем самым история Христа была рассказом не только о муках во имя идеи, но и о торжестве воскресения [5. С. 191]. Судебное заседание также помещается в контекст раннехристианской истории. Например, судебный процесс над Г.А. Гершуни преподносится как Суд Пилата, где судья – это Пилат, а Гершуни словно воплощает образ Христа [23. С. 7]. Раскрывая образ «героев», один из публицистов заявляет, что «сам Иегова [то есть Бог] позавидовал их мощи, Люцифер – силе их ненависти, Давид – красоте их отваги» [24. С. 7].

В радикальной публицистике встречается также сравнение «светлых образов» эсеров со средневековым мифическим героем Роландом, «который, истекая кровью, не хотел бежать и скрываться; окруженный врагами – не сдавался» [24. С. 7]. Таким описанием делалась явная отсылка к поведению террористов при покушении. При этом автором отмечается, что люди, изначально скептически относясь к революционерам, после их «подвига» начинают ими вдохновляться. Социальные слои, за чьи права борются террористы, – «страдальцы, скованные [как] Прометей» [25. С. 3], что отсылает нас к известному древнегреческому герою. Также радикальные литераторы апеллируют к творчеству современных русских поэтов, например к стихотворениям Максима Горького. Карпович сравнивается со «смелым соколом», а Сазонов – со «смелым буревишником» [25. С. 2–3]. Облик террориста тем самым приобретал литературный эмоционально окрашенный характер. Революционер становился объектом мифотворчества, черпая элементы образов различных культур.

Кроме того, террористы сравниваются и с реальными деятелями прошлого. Например, встречается сопоставление с Франсуа Равальяком, убийцей французского короля Генриха IV. Это один из классических примеров «тираноубийства». Апеллирование к этому покушению неслучайно. Равальяк осуществил покушение в столице, среди бела дня. Подобными методами русские террористы осуществляли покушения на высокопоставленных лиц. Пример Равальяка, скорее, выделяется среди прочих, поскольку в классическом понимании тираноубийство производилось тайно, в результате заговора. Радикальными публицистами

он воспринимается как «герой», с которого ведется отсчет современных образов сторонников радикальных мер. Уже упомянутый Степан Балмашев ставится в один ряд с российскими противниками самодержавия – декабристом Бестужевым и народницей-террористкой Софьей Перовской. Имя Веры Фигнер также «так дорого и близко, так свято для каждого из революционеров» [26. С. 10]. В этом можно уловить некие параллели с формированием образа народовольцев, которые также апеллировали к известным деятелям революционного движения.

Изменения в механизмах формирования образа коснулись и традиционных для народников речей террористов с судебных заседаний. Радикалам было важно продемонстрировать аудитории реакцию оппонентов революционеров – судей, которые испытывали к ним разные чувства – страх и злобу, восхищение и сострадание. Аудитория становилась зрителем такого театрального действия. Воспринимая представленные образы подсудимых, она как бы вставала на место судей и тоже начинала восхищаться террористами или сострадать им. Кроме того, демонстрируются контрастные качества и поведение революционеров на судебном заседании, которые не всегда являются «героическими». Например, это касается «незаметного героя», лидера эсеров-боевиков Г.А. Гершуни, человека со «слабостями» [23. С. 8]. В «Революционной России» публиковались речи революционеров, которые совершили «неудавшиеся» покушения. Например, Ф.М. Фрумкина не осуждалась эсерами, напротив, в ее речи раскрываются мотивация террориста (те самые тяжелые условия) и опора на авторитет народовольцев, чья «мученическая смерть глубоко врезалась в душу» и стала стимулом к покушению [27. С. 5].

В боевой организации эсеров участились случаи предательства, или «рenegатства», которые оказалось невозможно скрыть из-за публичных судебных заседаний, в которых вскрывались компрометирующие эсеров факты. Например, это касается личностей Качуры и «четы Григорьевых»², которые давали показания против партии эсеров. В связи этим радикальные публицисты делают попытки регероизации образа террориста, заявляя о непримлемости подобного поведения предателей. В противовес предателям приводится идеальный портрет Гершуни, «романтика революции» [23. С. 7], образ которого апеллирует к предшествующей традиции создания образа радикалов. Предатели же ассоциировались с «именем Иуды, которое не для одних христиан стало синонимом отвратительной низости, клейменной вековечным, ничем неизгладимым позором» [23. С. 7]. Радикалы, цитируя М.Е. Салтыкова-Щедрина, подводят итог, что «логический законный результат предательства» – это смерть [23. С. 7]. Ключевые недостатки, которые характерны для таких революционеров, – это малодушие, трусость и легкомысленность. Они препятствуют осуществлению террористической деятельности, так как начинают воспринимать свои намерения как добродетели. Радикалы при описании такого типа революционера ссылаются на образы героев-трусов, которые сформулировал Степняк-Кравчинский, назвав

предателей «попустителями и укрывателями» [23. С. 7]. Напротив, «идеальных» революционеров характеризует обдумывание решения перед осуществлением теракта.

В целом любые попытки как-либо пересмотреть идеальный образ революционера со стороны враждующего лагеря критиковались в «Революционной России». Например, радикалы упрекают легальные периодические издания в том, что их взгляд на террор является «единодушным <...> и смешно было бы думать, чтобы в этой прессе мог быть поднят какой-нибудь одинокий голос против» [28. С. 11]. Эсеры иронично относились и к описанию покушений: «Зверски обставленное событие... дни святотатственных злодеяний и грозного внутреннего недуга – охает и вздыхает в глубочайшей меланхолии бедная вдовица “Петербургские ведомости”» [28. С. 11]. В то же время они стремятся показать неискренность оценки террора консервативной печатью: «Словесно они хотят опровергать [целесообразность террора] и тут же сообщают факты, способные только соблазнить неверующих в террор перспективой крайней легкости внесения паники, сумятицы и растерянности <...>» [28. С. 11]. Публицисты также критикуют и сообщения о сокращении числа террористов, что, на их взгляд, играет на руку террористам-новобранцам: «Представьте себе, что и на самом деле, а не только в сонном видении вашем, “последние члены боевой организации” наконец переловлены. Ведь вашим неосторожным признанием вы, неровен час, многих революционеров толкнете на то, чтобы приложить все усилия и воскресить “так называемую”» [29. С. 1]. Поэтому в информационном поле было важно быстро реагировать на поступающие сведения о террористах, чтобы опровергнуть данную оценку и показать отсутствие кризиса в боевой организации и то, что террор до сих пор актуален.

Заключение

Итак, конструирование образа радикалов во второй половине XIX – начале XX в. строилось на апеллировании к христианской традиции. Делались ссылки на широко известные библейские сюжеты, а реальные деятели сопоставлялись с новозаветными героями. Кроме того, террористы сравнивались с тираноубийцами и радикалами недавнего прошлого или далекой истории, чтобы легитимировать свои действия и показать определенную преемственность с современностью. Деятельность русских радикалов тем самым принимала детерминированный характер: они вклинивались в общий «ход истории», который так или иначе приведет к революции. Эсеровские публицисты, кроме обращения к христианским сюжетам, сопоставляли террористов с образами героев из древней и средневековой мифологии, а также современной поэзии. Также они апеллируют к образам мучеников-народовольцев, идейных предшественников социалистов-революционеров. Поэтому образ носил скорее литературный и мифический характер, нежели реальный. Такой революционер обладал высоконравственными качествами: самоотверженностью, самопожертвованием, стойкостью, состраданием, аскетизмом, альтруизмом. Образы ре-

волюционера-террориста создавались с целью воодушевления единомышленников, побуждения встать на путь террора.

Героизированный образ эсера был нацелен в первую очередь на выходцев из низшего социального класса – рабочих и крестьян, откуда происходили сами террористы. Аудитория связывала собственные условия жизни с тяжелым положением революционеров, испытывая сочувствие к ним, становясь социальной опорой партии и Боевой организации.

В «Революционной России» приобретает популярность жанр автобиографий, написанных от лица самих террористов. Путь террориста представлял собой «скитание», в ходе которого он выбирает «верный» путь – вступление в Боевую организацию. Задача тиражирования автобиографий и иных источников личного происхождения состояла в повышении объективности идей и высказываний радикалов, чтобы заполучить доверие читателей. В «Народной воле» о террористах

чаще писали в третьем лице. Тогда образ конструировался на основе биографий радикалов, которые не имели отношения к покушениям напрямую, не являлись исполнителями, а, скорее, оказывали второстепенную поддержку народолюбцам.

Эсеровские публицисты, чтобы сохранить в сознании масс идеальный облик революционера, стремились нивелировать неприглядные оценки образа террористов, которые встречались в информационном поле. Речь идет не только о критических оценках в консервативной и социал-демократической прессе. До людей доходили сведения о судебных заседаниях над эсерами, которые раскрывали свою мотивацию и взгляды революционеров. И время от времени на них вскрывались случаи предательства (дача показаний против своих сподвижников), которые компрометировали идеальный образ. Поэтому партийные деятели всячески стремились реабилитировать «светлые» образы террористов, которых оклеветали предатели.

Примечания

¹ Мезенцевы – русский дворянский род. Н.В. Мезенцев являлся главным начальником Третьего отделения Канцелярии и шефом жандармов в 1876–1878 гг. Занимался политическим сыском революционеров-террористов. Был убит в 1878 г. в результате террористического акта, организованного «Землей и Волей».

² Речь идет об эсере Григорьеве и его спутнице Юрковской. Они планировали осуществить покушение на К.П. Победоносцева в 1902 г., однако в последний момент отказались совершать теракт, отойдя от деятельности Боевой организации. Позже в 1904 г. они дали показания на судебном процессе против эсеров.

Список источников

1. Троицкий Н.А. Друзья народа или бесы // Родина. 1996. № 2. С. 67–72.
2. Левандовский А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 59–76.
3. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 446 с.
4. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 207 с.
5. Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.
6. Виноградов С.И., Платонова О.В. и др. Культура русской речи. М.: Норма: ИНФРА-М, 1999. 271 с.
7. На чьей стороне нравственность? // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
8. 25 декабря 1879 г. // Народная воля. 1880. № 3. 1 янв.
9. Одесса // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
10. Письмо Виттенберга // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
11. Речь Овчинникова // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
12. По поводу процесса 16-ти // Народная воля. 1880. № 4. 5 дек.
13. Памяти А. Квятковского // Народная воля. 1880. № 4. 5 дек.
14. Биографические заметки о Валериане Осинском // Народная воля. 1879. № 2.
15. Троицкий Н.А. «Народная воля» пред царским судом (1880–1894). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 426 с.
16. Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
17. Письмо одного из французских социалистов // Народная воля. 1880. № 3. 1 янв.
18. Листок Народной Воли. 1880. № 1. 1 июля.
19. Знаменательная годовщина // Революционная Россия. 1902. № 4. С. 3–4.
20. Письмо Степана Балашева к родителям // Революционная Россия. 1902. № 7. С. 2.
21. Письмо к крестьянам. Из песен борьбы // Революционная Россия. 1902. № 10. С. 2–3.
22. Жизнь рабочего-революционера // Революционная Россия. 1902. № 11. С. 1–2.
23. Дело о Г.А. Гершуни и других. О предательстве и предателях // Революционная Россия. 1904. № 43. С. 7–15.
24. Революционная Россия. 1904. № 46. 24 с.
25. К оружию! // Революционная Россия. 1905. № 58. С. 2–4.
26. В.Н. Фигнер // Революционная Россия. 1904. № 54. С. 9–16.
27. Дело Ф. Фрумкиной // Революционная Россия. 1904. № 39. С. 4–9.
28. Пресмыкающаяся пресса о гибели Плеве // Революционная Россия. 1904. № 51. С. 11–15.
29. Революционная Россия. 1905. № 64. 16 с.

References

1. Troitskiy, N.A. (1996) Druz'ya naroda ili besy [Friends of the People or Demons]. *Rodina*. 2. pp. 67–72
2. Levandovskiy, A. (1996) Bombisty [Bombers]. *Rodina*. 4. pp. 59–76.
3. Geyfman, A. (1997) *Revolutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS.
4. Mogilner, M. (1999) *Mifologiya "podpol'nogo cheloveka": radikal'nyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the "Underground Man": Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the Twentieth Century as a Subject of Semiotic Analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

5. Safronova, Yu.A. (2014) *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Vinogradov, S.I., Platonova, O.V. et al. (1999) *Kul'tura russkoy rechi* [The Culture of Russian Speech]. Moscow: Norma: INFRA-M.
7. *Narodnaya volya*. (1879a) Na ch'ey storone npravstvennost'? [On Whose Side Is Morality?]. 1st October.
8. *Narodnaya volya*. (1880a) 25 dekabrya 1879 g. [December 25, 1879]. 1st January.
9. *Narodnaya volya*. (1879b) Odessa. 1st October.
10. *Narodnaya volya*. (1879c) Pis'mo Vittenberga [Wittenberg's Letter]. 1st October.
11. *Narodnaya volya*. (1879d) Rech' Ovchinnikova [Ovchinnikov's Speech]. 1st October.
12. *Narodnaya volya*. (1880b) Po povodu protsesssa 16-ti [Regarding the Trial of the Sixteen]. 5th December.
13. *Narodnaya volya*. (1880c) Pamyati A. Kvyatkovskogo [In Memory of A. Kvyatkovsky]. 5th December.
14. *Narodnaya volya*. (1879e) Biograficheskie zametki o Valeriane Osinskom [Biographical Notes on Valerian Osinsky]. 2.
15. Troitskiy, N.A. (1983) "*Narodnaya volya*" pred tsarskim sudom (1880–1894) ["*Narodnaya Volya*" before the Tsar's Court (1880–1894)]. Saratov: Saratov State University.
16. *Narodnaya volya*. (1879f) 1st October.
17. *Narodnaya volya*. (1880d) Pis'mo odnogo iz frantsuzskikh sotsialistov [Letter from a French Socialist]. 1st January.
18. *Listok Narodnoy Voli*. (1880) 1st July.
19. Anon. (1902) Znamenatel'naya godovshchina [Significant Anniversary]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 4. pp. 3–4.
20. Anon. (1902) Pis'mo Stepana Balmasheva k roditelyam [Letter from Stepan Balmashev to His Parents]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 7. p. 2.
21. Anon. (1902) Pis'mo k krest'yanam. Iz pesen bor'by [Letter to the Peasants. From Songs of Struggle]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 10. pp. 2–3.
22. Anon. (1902) Zhizn' rabochego-revolutsionera [Life of a Revolutionary Worker]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 11. pp. 1–2.
23. Anon. (1904) Delo o G.A. Gershuni i drugikh. O predatel'stve i predatelyakh [The Case of G.A. Gershuni and Others. On Betrayal and Traitors]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 43. pp. 7–15.
24. *Revolutsionnaya Rossiya*. (1904) 6.
25. Anon. (1905) K oruzhiyu! [To Arms!]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 58. pp. 2–4.
26. Anon. (1904) V.N. Figner. *Revolutsionnaya Rossiya*. 54. pp. 9–16.
27. Anon. (1904) Delo F. Frumkinoy [The Case of F. Frumkina]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 39. pp. 4–9.
28. Anon. (1904) Presmykayushchayasya pressa o gibeli Pleve [The Reptilian Press on the Death of Plehve]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 51. pp. 11–15.
29. *Revolutsionnaya Rossiya*. (1905) 64.

Сведения об авторе:

Строкольский Владислав Андреевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kemerovo40@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Strokolskiy Vladislav A. – Graduate Student of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kemerovo40@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 15.11.2024; accepted for publication 15.01.2025